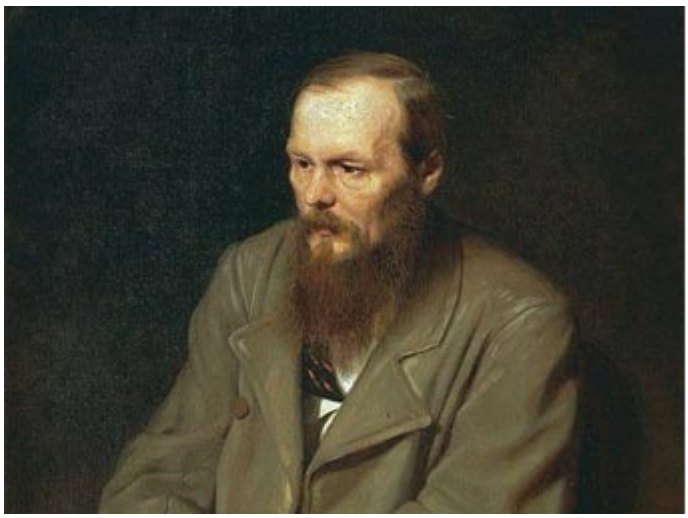
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Достоевский о Женеве: «Это ужас, а не город!» | Dostoïevski à propos de Genève : « C’est pas une ville, c’est une horreur »

Author: Наталья Беглова, Женева , 09.02.2016.



Перов, В.Г. Портрет Ф.М. Достоевского. 1872

Сегодня исполняется 135 лет со дня смерти великого русского писателя, жизненный путь которого прошел и через Швейцарию. Вместе с профессиональными исследователями его творчества и просто почитателями его таланта мы решили отметить эту печальную дату оригинальной, на наш взгляд, публикацией - объяснением в нелюбви к Женеве и к Швейцарии в цитатах.

|

Nous célébrons aujourd’hui le 135ème anniversaire de la mort du grand écrivain russe dont l’itinéraire de vie a touché à la Suisse. Avec les analystes professionnels de son œuvre et les simples lecteurs, admirateurs de son talent, nous avons décidé de marquer cette triste date par une publication à notre avis originale – sa déclaration de désamour pour Genève et la Suisse, à travers les citations.

Dostoïevski à propos de Genève : « C’est pas une ville, c’est une horreur »

Пожалуй, нет другого именитого русского, который бы так же невзлюбил Женеву и в целом Швейцарию, как Федор Михайлович Достоевский.

Женева не пришлась по вкусу Достоевскому уже в первые его приезды в этот город в 1862 и в 1863 годах. Правда, тогда он не задерживался здесь надолго. Но вот наступил 1867-й, Достоевский женился на Анне Сниткиной, и вместе они отправились в свадебное путешествие. Молодожены посетили Вильно, Дрезден, Баден-Баден, Базель и в августе приехали в Женеву.

Женевская погода сразу же дала о себе знать. Уже в сентябре в письме к своему другу, поэту Аполлону Николаевичу Майкову, Федор Михайлович, объясняя, почему он так задержался с написанием давно обещанной статьи, жалуется: «…как только переехал в Женеву, тотчас же начались припадки, да какие! — как в Петербурге. Каждые 10 дней по припадку, а потом дней 5 не опомнюсь. Пропащий я человек! Климат в Женеве сквернейший, и в настоящую минуту у нас уже 4 дня вихрь, да такой, что и в Петербурге разве только раз в год бывает. А холод — ужас!». О том же пишет он и в письме к Софье Александровне Ивановой, своей любимой племяннице: «Я хоть прежде и бывал раза три в Женеве, но в ней не живал и не знал, что это за климат: решительно по три раза в день меняется погода и припадки мои начались вновь, точь-в-точь как в Петербурге».

Анна Григорьевна Достоевская

Но дело не только в климате, хотя, безусловно, он оказался крайне неблагоприятным для человека, страдавшего эпилептическими припадками. Все раздражает Федора Михайловича в Женеве. Вот лишь несколько цитат из его многочисленных писем, написанных в этот период родным и друзьям:

«Вот уже скоро месяц, как я засел в Женеве; надо сказать, что это самый прескучный город в мире; он строго протестантский, и здесь встречаешь работников,

которые никогда не протрезвляются».

«Женева на Женевском озере. Озеро удивительно, берега живописны, но сама Женева — верх скуки. Это древний протестантский город, а впрочем, пьяниц бездна».

«И как здесь грустно, как здесь мрачно. И какие здесь самодовольные хвастунишки! Ведь это черта особенной глупости быть так всем довольным. Все здесь гадко, гнило, всё здесь дорого. Всё здесь пьяно! Стольких буянов и крикливых пьяниц даже в Лондоне нет».

Достоевский мечтает о том, чтобы выехать из Женевы, а еще лучше – совсем из Швейцарии. Он хотел бы перебраться в Италию или в Париж, но две причины удерживают его. Первая - жизнь здесь дешевле, чем, в Париже, а у Достоевского постоянно нет денег. Вторая - Анна Григорьевна ждет ребенка, а доктора и акушерки в романдской части Швейцарии, в отличие от Италии, говорят по-французски. Достоевские вынуждены остаться в Женеве. Они снимают квартиру на втором этаже дома, находившегося на углу улицы Бертелье (rue Berthelier) и улицы Гийом Тель (rue Guillaume Tell), а незадолго до родов переедут в более просторные апартаменты по адресу улица Монблан 16 (Rue du Mont-Blanc 16).

Так сегодня выглядит дом, в котором жили Достоевские (© Nashagazeta.ch)

Вот как он описывает свою женевскую жизнь в одном из писем: «Мы с Анной Григорьевной одни-одинешеньки. Жизнь моя: встаю поздно, топлю камин (холод

страшный), пьем кофе, затем за работу. Затем в четыре часа иду обедать в один ресторан и обедаю за 2 франка с вином. Анна Григорьевна предпочитает обедать дома. Затем иду в кафе, пью кофей и читаю «Московские ведомости» и «Голос» и перечитываю до последней литеры. Затем полчаса хожу по улицам, для движения, а потом домой и за работу. Потом опять топлю камин, пьем чай, и опять за работу…Женева скучна, мрачна, протестантский глупый город, со скверным климатом, но тем лучше для работы».

Единственное утешение от пребывания в этом городе, как мы видим, он находит в том, что ему удается сосредоточиться на работе. Правда, писатель несколько кривит душой, когда пишет, что лишь скука его жизни в Женеве и скверность города заставляют его больше работать. Истинная причина – постоянная нехватка денег. По сути, и поездка за границу – это бегство от кредиторов, которые уже перестали верить обещаниям Достоевского вернуть долги и требовали их взыскания в судебном порядке.

Причина же отсутствия денег кроется в значительной степени в пагубном пристрастии писателя к игре. Даже по дороге в Швейцарию Достоевские заехали в Баден-Баден, где Федор Михайлович сначала выиграл четыре тысячи франков, а затем, не удержавшись от дальнейшей игры, все проиграл, вплоть до личных вещей своих и жены. Для продолжения путешествия потребовались новые займы.

Станция и площадь перед ней. Мало что изменилось здесь с тех пор, как на эту площадь из поезда выходил Федор Михайлович (N. Beglova/© Nashagazeta.ch)

Так что если бы не постоянные визиты Достоевского в казино, авансов, присылаемых из издательств, хватало бы на жизнь, но не на рулетку! В итоге ему и жене, которая вот-вот должна родить, приходится жить на то, что присылают друзья и родственники из России, и постоянно закладывая вещи. Вот запись Анны Григорьевны в дневнике от 18 сентября: «Он отправился заложить наши обручальные кольца, потому что у нас нечем было обедать». Тема безденежья

проходит красной нитью и через все письма Достоевского: «Хоть живем и не нуждаясь в насущном, но, однако ж, вещи постоянно в закладе. При каждом получении денег выкупаем, а к концу месяца опять закладываем».

Играть Федор Михайлович ездил в казино в Саксон-ле-Бэн (Saxon les Bains), находившееся в Вале, недалеко от города Мартиньи. Сегодня город называется просто Saxon (Саксон), поскольку термальных купален теперь здесь нет, они находятся на другой стороне автострады в местечке под названием Saillon (Сайон).

Иногда проигрыши в казино, трагически сказывающиеся на повседневной жизни молодой пары в Женеве, оборачиваются позитивной стороной для творчества писателя. Так, одна из поездок в октябре закончилась потерей всех денег, Федор Михайлович остался даже без обручального кольца и пальто! И вот что пишет Достоевский жене после этого.

«Аня, милая, бесценная моя, я всё проиграл, всё, всё! О, ангел мой, не печалься и не беспокойся! Будь уверена, что теперь настанет наконец время, когда я буду достоин тебя и не буду более тебя обкрадывать, как скверный, гнусный вор! Теперь роман, один роман спасет нас, и если б ты знала, как я надеюсь на это! Будь уверена, что я достигну цели и заслужу твое уважение. Никогда, никогда я не буду больше играть. Точно то же было в 65-м году. Трудно было быть более в гибели, но работа меня вынесла. С любовью и с надеждой примусь за работу и увидишь, что будет через 2 года» (Saxon les Bains, 6 ноября 1867).

Последнюю часть обещания Федор Михайлович действительно выполнил. В 1865 году, проигрыш послужил толчком к написанию «Игрока». Теперь же, вернувшись в Женеву, Достоевский засел за работу и за три недели написал около шести печатных листов романа «Идиот». Эти главы были переданы для публикации в журнал Каткова «Русский Вестник», который в 1868 году начал печатать роман частями.

А вот первую… увы! Рулетка останется пагубной страстью Достоевского, он будет продолжать играть и в Швейцарии, и уехав из нее.

… Не прошло и полугода пребывания четы Достоевских в Женеве, как Федор Михайлович невзлюбил город окончательно и бесповоротно. В очередном письме к Аполлону Николаевичу Майкову он расписал жизнь в Женеве в таких черных красках, что, пожалуй, до сих пор никто его не превзошел в этом! Досталось не только женевцам, но и всей по его выражению «подлой республике». Единственное утешение для швейцарцев, это то, что Достоевский не любил их все-таки чуть меньше, чем немцев.

Казино в Саксоне (© N. Beglova/Nashagazeta.ch)

«…О, если б Вы знали, как глупо, тупо, ничтожно и дико это племя! Мало проехать, путешествуя. Нет, поживите-ка! Но не могу Вам теперь описать даже и вкратце моих впечатлений; слишком много накопилось. Буржуазная жизнь в этой подлой республике развита до nec plus ultra.(лат. донельзя). В управлении и во всей Швейцарии — партии и грызня беспрерывная, пауперизм, страшная посредственность во всем; работник здешний не стоит мизинца нашего: смешно смотреть и слушать. Нравы дикие; о, если б Вы знали, что они считают хорошим и что дурным. Низость развития: какое пьянство, какое воровство, какое мелкое мошенничество, вошедшее в закон в торговле. Есть, впрочем, несколько и хороших черт, ставящих их все-таки безмерно выше немца. (В Германии меня всего более поражала глупость народа: они безмерно глупы, они неизмеримо глупы)».

Позволим себе предположить, что дело не в нелюбви Достоевского именно к Швейцарии – и негативное упоминание Германии подтверждает это - а в невозможности для Федора Михайловича жить вдали от Родины, где бы то ни было. В письме к тому же Майкову, написанному в первые дни пребывания в Женеве, Достоевский прямо говорит об этом: «И как можно выживать за границей? Без родины – страдание, ей-богу!» И далее объясняет, почему для него это важнее, чем для кого-либо другого: «А мне Россия нужна, для моего писания и труда нужна (не говорю уже об остальной жизни), да и как еще! Точно рыба без воды; сил и средств лишаешься».

Надо признать, что жизнь четы Достоевских в Женеве была драматичной от начала до конца. Тяжело протекавшая беременность Анны Григорьевна, постоянное безденежье и поиск денег, проигрыши в казино, переезд с квартиры на квартиру и под конец настоящая трагедия – смерть ребенка.

21 февраля 1868 года у Достоевских родилась дочь, которой дали имя Софья, в честь

любимой племянницы писателя. Федор Михайлович был счастлив. «Это – величайшая радость, какую человек может испытать на земле», - так отозвался он на рождение ребенка.

Но девочка была слабенькой, а у Анны Григорьевны не было молока. Найти кормилицу в Женеве не удалось, и было решено выкармливать младенца искусственно, что в то время было делом весьма сложным, особенно учитывая неопытность молодой матери и отсутствие профессиональной помощи.

Анна Григорьевна ходила гулять с ребенком в Английский сад. Во время одной из таких прогулок поднялся сильный ветер, пошел дождь. Анна Григорьевна поспешила вернуться домой, но девочка простудилась и, проболев несколько дней, умерла от воспаления легких. Сонечке еще не было и трех месяцев. Отпевал ее протоирей А.П. Петров, который незадолго до этого крестил ее в женевском храме Воздвижения Креста Господня на улице Топпфера.

Мемориальная доска на улице Монблан (© Nashagazeta.ch)

Похоронена Софья Достоевская на старинном кладбище Пленпале, которое еще называют кладбищем Королей. Ее могила, которая значится под номером 1009, находится под большим раскидистым деревом, сразу налево от входа. На месте захоронения - маленькая мраморная плита, на которой выбит православный крест и написано по-французски: «SOPHIE. Fille de FEDOR et ANNE DOSTOIEVSKY. 22. II/5.III – 12/24.V.1868» «Софья. Дочь Федора и Анны Достоевских».

О том, как это произошло, мы узнали от Татьяны Георгиевны Варшавской (Дерюгиной), вдовы известного русского писателя и журналиста Владимира Сергеевича Варшавского. По ее словам, ей как-то позвонили знакомые американские

слависты и попросили разыскать могилу дочери Достоевского. Сказали, что делают это по просьбе представителей «Международного общества Достоевского». Оказавшись на кладбище Пленпале, Татьяна Георгиевна узнала, где находится захоронение. Подойдя к указанному месту, она увидела лишь табличку с номером 1009. По ее словам, она не только заказала мраморную плиту, но и заплатила половину ее стоимости – пятьсот франков. Вторую половину оплатило Общество.

В 1993 году срок сохранения могилы был продлен на 30 лет благодаря финансовой помощи барона Эдуарда Александровича фон Фальц-Фейна. Этот человек – меценат, исключительно много сделавший для русского наследия в Швейцарии, в 2012 справил столетний юбилей! Фон Фальц-Фейн – не просто швейцарец с русскими корнями, но и в определенной степени родственник Достоевского: дед барона и сын Достоевского Федор Федорович были женаты на родных сестрах.

Горе, обрушившееся на семью Достоевских, в буквальном смысле слова подкосило Федора Михайловича. «Это маленькое, трехмесячное создание, такое бедное, такое крошечное, — для меня было уже лицо и характер. Она начинала меня знать, любить и улыбалась, когда я подходил. Когда я своим смешным голосом пел ей песни, она любила их слушать. Она не плакала и не морщилась, когда я ее целовал; она останавливалась плакать, когда я подходил. И вот теперь мне говорят в утешение, что у меня еще будут дети. А Соня где? Где эта маленькая личность, за которую я, смело говорю, крестную муку приму, только чтоб она была жива?» - писал он Софье Александровне Ивановой, своей любимой племяннице, в честь которой и была названа дочь.

А вот как Анна Григорьевна описывает первые дни, последовавшие за кончиной младенца.

«Я не в силах изобразить того отчаяния, которое овладело нами, когда мы увидели мертвою нашу милую дочь. Глубоко потрясенная и опечаленная ее кончиною, я страшно боялась за моего несчастного мужа: отчаяние его было бурное, он рыдал и плакал, как женщина, стоя пред остывавшим телом своей любимицы, и покрывал ее бледное личико и ручки горячими поцелуями. Такого бурного отчаяния я никогда более не видала. Обоим нам казалось, что мы не вынесем нашего горя».

И далее продолжает: «Оставаться в Женеве, где все напоминало нам Соню, было немыслимо, и мы решили немедленно исполнить наше давнишнее намерение и переехать в Vevey, на том же Женевском озере. Жалели мы очень о том, что, по недостатку средств, не могли совсем уехать из Швейцарии, которая стала для моего мужа почти ненавистна: он винил в смерти Сонечки и дурной, изменчивый климат Женевы, и самонадеянность доктора, и неумелость няньки и пр. Самих швейцарцев Федор Михайлович и всегда недолюбливал, но черствость и бессердечие, выказанные многими из них в минуты нашего тяжкого горя, еще увеличили эту неприязнь. Как пример бессердечия, приведу, что наши соседи, зная о нашей утрате, тем не менее прислали просить, чтоб я громко не плакала, так как это действует им на нервы».

Но и в Веве семья Достоевских была по-прежнему несчастлива. Федор Михайлович явно не был расположен миловать не только Женеву, но и всю Швейцарию. В Веве он изливает на головы швейцарцев такой поток обвинений, что в это было бы трудно поверить, если бы не сохранившееся письмо.

[Могила Сони Достоевской в Женеве (© Nashagazeta.ch)]

«О, если б Вы понятие имели об гадости жить за границей на месте, если б Вы понятие имели об бесчестности, низости, невероятной тупости и неразвитости швейцарцев. Конечно, немцы хуже, но и эти стоят чего-нибудь! На иностранца смотрят здесь как на доходную статью; все их помышления о том, как бы обманывать и ограбить. Но пуще всего их нечистоплотность! Киргиз в своей юрте живет чистоплотнее (и здесь в Женеве). Я ужасаюсь; я бы захохотал в глаза, если б мне сказали это прежде про европейцев. Но черт с ними! Я ненавижу их дальше последнего предела!»

В письмах Достоевского постоянно встречаются упоминания о двух качествах швейцарцев, которые его поражают: пьянство и нечистоплотность. В принципе, и в воспоминаниях других русских путешественников по Швейцарии можно найти аналогичные отклики. Как же получилось так, что спустя сто пятьдесят лет эти обвинения кажутся абсурдными в отношении швейцарцев, но остаются вполне актуальными, если разговор заходит, например, о русской провинции? А если говорить о пьянстве, то и не только провинции. Как могло получиться, что мы поменялись со швейцарцами местами? Только ли революция тому виной или есть какие-то другие причины?

.. Мемориальную доску на доме, в котором произошли драматические события, заметить нелегко: настолько высоко она прибита и так сливается ее цвет с цветом здания. Да и появилась она на доме лишь в 1949 году, что документально

засвидетельствовано в архивах города Женевы. Говорят, что женевские власти довольно долго были принципиально против. Достоевский так упорно и так много писал о своей ненависти к Женеве и женевцам, что их можно понять. Или нет?

русские писатели в Швейцарии
Женева
Федор Достоевский

Source URL:
http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/dostoevskiy-o-zheneve-eto-uzhas-ne-gorod